

«Святск, потому что святое место...»: повествования о селении, которого не стало¹

Е.С. Данилко

Проблема изучения роли, форм и особенностей проявления индивидуального, личностного начала в традиционной культуре — в фольклорных текстах, письменных памятниках и этнографической действительности, занимает все больше места в гуманитарных исследованиях. Еще К.В. Чистовым была сформулирована теория о стабильности и вариативности народной культуры. Согласно этой теории и стабильность, и вариативность непосредственным образом связаны с конкретными личностями, постоянно порождающими новые тексты, хотя и в очерченных традицией рамках и выступающими, таким образом, одновременно двигателями и хранителями культуры².

Вместе с тем позитивистская направленность советского гуманитарного знания и методологические сложности требовали от исследователей построения общих схем, типологических рядов и системного изложения собранного полевого материала, когда этот материал подавался как некая безличная «информация». Обращение, точнее, возвращение к личности исполнителя (информатора), к его живой речи, интонациям, контексту случилось раньше в фольклористике и даже в социологии с методом биографических интервью, а уж затем — в полевой этнографии или культурной антропологии. По замечанию Т.А. Бернштам, возможно, это было связано еще и с тем, что «человеческий фактор» для этнографии — «само собой разумеющееся, как воздух, которым она порождена, насыщена и дышит»³, а потому специально не рефлексировался. Сегодня публикации полных текстов полевых интервью с комментариями или обширных цитат из них в научных статьях стали довольно

329

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 11-06-90350-РБУ_а «Экологический фактор и социо-культурные параметры жизни в зоне Чернобыльской катастрофы (Гомельская, Брянская и Черниговская обл.).

² Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1986.

³ Бернштам Т.А. Аспекты уникального в свете проблемы «человек-и-традиция» (Вступление в тему) // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. СПб., 2004. С. 4.

распространенным явлением. Это научные тексты совершенно особого рода, с одной стороны, они уже содержат некую авторскую концепцию, проявляющуюся как в подборе текстов для публикации, так и в последовательности изложения, и наконец, выводах, с другой — такие тексты остаются для их читателей еще и документом, источником, обладающим дополнительными смыслами и потенциальными возможностями для интерпретации. Кроме того, их отличает чрезвычайно насыщенный эмоциональный фон, проявляются какие-то личностные характеристики не только рассказчика, но и антрополога.

В основе настоящей статьи — полевой материал, собранный мною в августе 2011 г. в г. Новозыбкове Брянской обл. Это интервью с бывшими жителями старообрядческого с. Святск, расселенного после Чернобыльской катастрофы. Интервью были записаны во время их паломнической поездки на место разрушенного села в день Успения Пресвятой Богородицы (престольный праздник в Святске) и в г. Новозыбкове. Мне хотелось найти ответы на множество вопросов. Что сегодня стало с легендарным селом, сыгравшим важную роль в истории Ветковского старообрядческого центра, и его жителями? Какие именно потери являются для них наиболее трагичными и невозполнимыми? Влияют ли существующие в старообрядческой среде культурные установки на оценку случившегося? Каким образом личные эмоциональные переживания соотносятся с групповым опытом? И наконец, почему для старообрядцев стремление возвращаться к своим брошенным домам и могилам предков, стремление каждый год отмечать престольный религиозный праздник именно в своем селе является важнее угроз, исходящих от зараженной зоны?

Расшифровав все полевые интервью, каждое из которых по-своему уникально, я столкнулась с нелегкой задачей выбора. Объем материала и ограниченные рамки статьи требовали либо разделения текстов на мелкие тематические сюжеты с комментарием, либо изложения в обобщенной «обезличенной» форме, что противоречит самой идее данного сборника. Кроме того, в таком случае терялись живые человеческие истории, конкретные биографии, из которых как большое полотно может быть выткана история этого места, в свою очередь, вписанная в историю старообрядчества. Именно поэтому в статье использовалось главным образом одно обширное и чрезвычайно насыщенное интервью с жительницей Святска Ольгой Климовной Усовой (1928 г.р.). Ольга Климовна родилась в Святске и одна из последних покинула село (в 2004 г.), попавшее в зону отчуждения после Чернобыльской катастрофы. Интервью — это одновременно глубоко личная история ее жизни, наполненная лишениями и радостями, потерями и надеждами, и история с. Святск от времен легендарных, даже мифологических, до сегодняшних дней, когда Святск, исчезнув с географической карты, переместился в пространство памяти. Конечно, рассказ Ольги Климовны будет дополняться в ряде случаев цитатами и из других текстов⁴.

⁴ В таких случаях в скобках будет указываться, от кого записан текст.

Следует также оговориться, что в старообрядческих поселениях брянско-гомельского пограничья сложилась уникальная синкретическая языковая среда, где местные говоры старообрядцев-«москалей» в процессе длительного взаимодействия с говорами окружающего населения включили в себя значительный пласт украинско-белорусской лексики со свойственной этим языкам манерой произношения и ударений⁵. Для жителей окрестностей Святска свой говор является важнейшим признаком, определяющим местную специфику: «У нас вот разговор совсем другой, язык, все намешано, и украинские слова, и белорусские, нас сразу определяют, и мы своих хоть где узнаем» (записано от О.П. Дунаева, г. Новозыбков, 2009 г.). В этой связи в представленных интервью я старалась максимально сохранить особенности устной речи.

Ольга Климовна Усова. 1950-е гг. Из личного альбома О.К. Усовой

Предыстория

В истории старообрядчества известны несколько важных региональных центров, сыгравших ключевую роль в его развитии. Среди них и знаменитые Ветка и Стародубье, сложившиеся в начале XVIII в. на российско-польской границе. Эта территория уже с раннего Средневековья и до наших дней поочередно входила в состав нескольких последовательно сменявшихся государств (княжеств Литовского, Польши, России), затем российских губерний и областей и снова разных государств. Теперь это Брянская область России и Гомельская область Белоруссии.

Слобода Ветка, определившая впоследствии название местности, была основана непосредственно после раскола православной церкви в 1685 г., она находилась за литовским рубежом и представляла собой надежное убежище для гонимых старообрядцев. Первые старообряд-

⁵ См.: Кобяк Н.А., Кукушкина О.В. Филологические задачи в рамках комплексных исследований района старообрядческих слобод Брянщины и Гомельщины // Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. М., 1978. С. 120–129.

ческие поселения в Стародубье появились несколько позднее, в 1669 г. При царевне Софье с ужесточением мер по борьбе с «раскольниками» поселившиеся в Стародубье старообрядцы вынуждены были бежать за границу, на Ветку, и российский центр опустел на 20 лет. Затем вновь восстановился, и два этих духовных центра практически сравнялись по численности, обросли новыми слободами и храмами. Два крупных старообрядческих центра, разделенные государственной границей, но, по существу, единые, со множеством внутренних связей — от церковных и культурных до экономических и семейно-родственных, в самом старообрядческом сообществе всегда воспринимались как нечто нераздельное⁶.

«Слобода Свяцкая» была основана на землях Стародубского казацкого полка, входившего тогда в состав Малороссии, о чем говорится в летописях Киево-Печерской лавры за 1712 г. Впоследствии слобода выросла в крупное торгово-промышленное поселение. В начале XX в. здесь проживало уже почти 4 тысячи человек, имелось около 20 предприятий и множество торговых лавок, устраивалась ярмарка. С момента возникновения слободы здесь был образован старообрядческий Ново-Покровский монастырь, который был упразднен в 1853 г., а на месте его строений появились единоверческие церкви. Вообще, Святск был заметным старообрядческим центром, наряду с Клинцами и Новозыбковым, с ним были непосредственным образом связаны судьбы известных подвижников — епископов Иннокентия (Усова) и Арсения (Швецова), писателя Иллариона Кабанова (Ксеноса) и других⁷.

В 1970–1980-е гг. в этом регионе проводились комплексные научные исследования, организованные археографической лабораторией МГУ им. М.В. Ломоносова⁸.

После взрыва на Чернобыльской атомной станции, произошедшего 26 апреля 1986 г., Святск попал в зону, подлежащую эвакуации. Однако реально переселение началось только в 1990-е гг., и в 2003 г. село было официально упразднено. Бывшие жители разъехались по разным населенным пунктам.

Именно расселение, четко разделившее жизнь на до и после аварии, служит точкой отсчета практически во всех современных расска-

Похороны на улице Святска, 1970-е гг. Из личного альбома О.К. Усовой

зах об истории Святска и главной вехой личных биографий. Исторические события и житейские ситуации, независимо от степени давности, не располагаются в нарративах линейно, а постоянно возвращаются вокруг вынужденного оставления родного села — «самой страшной беды», с которой строятся аналогии (например, с войной) и которая вплетается в ткань каждого повествования.

«Святск и назвали, святая вада...»

Как известно, в народном сознании давние исторические события находятся в некоем обширном пространственно-временном поле, легко меняются местами и мифологизируются, а участвующие в этих событиях персонажи не привязаны к конкретным временным отрезкам⁹. Так, рассказ Ольги Климовны об основании Святска включает в себя и мифологический пласт, когда в этих краях были «непроходимый лес и болота», и упоминание известной фольклорной «основательницы» многих российских сел Екатерины II, и объяснение названия, завершаясь, однако, проблемой радиации и сожалениями об исчезнувшем родном селе:

⁹ Данилко Е.С. Священная история и раскол в устной традиции (перевод с книжного на народный) // Липоване. История и культура русских старообрядцев. Вып. V. Одесса, 2008. С. 67–68.

⁶ Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 62–63, 271.

⁷ Каменецкий О.Г. Не предать забвению... Памяти села Святск. К 100-летию со дня возведения и освящения храма Успения Пресвятой Богородицы. М., 2010. С. 8–10, 13–14, 27–33.

⁸ См.: Поздеева И.В. Археографические работы Московского университета в районе древней Ветки и Стародубья (1970–1972) // Памятники культуры: новые открытия: ежегодник 1975. М., 1976. С. 52–69; Смелянская Е.Б. К изучению историко-культурного значения Ветковско-Стародубовского старообрядческого центра в XVIII–XX вв. // История церкви: изучение и преподавание: материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства, 22–25 нояб. 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 205–210 и др.

Свадьба на
улице Святска.
1980-е гг.
Из личного
альбома
О.К. Усовой

— Почему Святск? А за то, что оно святое место! Там от-ко раньше непроходимый лес был, у Святске. Еще мы живы були, вот уже сейчас, у Святске осушивали болота, а в болоте были вот такие сосны. Трактор пахал, вот такой большой, и их вытаскивали, эти сосны. И мы уже, я уже, эти сосны тягали домой, на пожогу. <...>

А тада ж леса, леса и леса... Уже гонение то було, и там остану-вилися люди. И стали там образоваться и сделали утету крыницу [колодец. — Е.Д.]. И стали уже расплодиться люди, стали уже люди, люди и люди уже...

И ще Екатерина ехала по етой дароге в Беларусь, по етой дароге ехала, и тут от-ко еще крыницу ету святили, священник. И вон он упустил крест туды, у крыницу. И оне же не поймали его. Так он же у крынице и досе лежит. И вот Святск! Святск и назвали, святая вада. И тут от-ко я ж уже помню, как коло крыницы етой стоял крест, и крыша над ём, и кружечка висела. И люди ехали уже, дарогом ехали и в крыницу ету опускалися, пили ваду. Вот тебе и святая вада!

Так вот сейчас же радиацию [проверяли. — Е.Д.], а нема же ничего. Я ж тебе говорю, когда я ще жила там, едут, проверяли по селах ваду. Такая машина длинная, как скорая помощь, ну, автобусик. И там от-ко у их были бидоны. И вот там мужики ети. Черные! Всякая нация, наверно, уси. И вот они едут, едут, а вады ж у них нету, сошла вада, нечего пить. А один черный такой, молодой, говорить: «Ну, если тут не возьмем вады, то я уже не знаю, я уже помру

без вады». Черный! И вот подъезжают к нам. Подъехали, коло нас колонка ж ета, подъехали и стали уже ваду брать. И стали мерять ету ваду, радиацию. А тут ничего нема в ваде. Она то идет из-под зямли самой. И нема. Так он еле отпился! Да бидонов как понабрали, фляги такие вот, в машину понастановили. <...>

— То есть нет радиации в Святске? [зд. и далее курсивом вопросы исследователя. — Е.Д.]

— Да! А я ж тебе говорю, хай хоть кто говорят, а я уже знаю. А я уже знаю. Вот и все! И ети хлопцы понабрали вады и поехали.

У нас же косили сено и у нас же кринички всюду рубленые стояли. И так называли — Васькова криница, криница кола Самсоника, там Шавырки, тоже криница. Как уж дяды называли. Поля такие, сенокос, и вот там все криницы были. А ключи у нас были, знаешь, какие большие? Они и сейчас есть. Ключи, знаешь, такие вот круглые, а посередке вот так, как кипить. И озеро ето мигом нальеть. Выкопали озеро, сделали, мигом налилося. А в том озере, ты знаешь, сколько было карасей? Вот таких! Так ходют по грязи, да руками выбирают, выбирают, эти караси. Там разорваться сердцу надо, какая деревня была! Да она ж аккуратненькая!

«Все чистенько было в селе...»

Аккуратность, «прибранность» Святска всегда подчеркиваются в рассказах о нем. Четкая планировка, прямые улицы, каждая из которых имеет свое название, выделяли Святск из числа окружающих поселений.

<...> Ой, а какое село! Ты ж не знаешь. А какое же там село! Вот встань на одном краю Святска и на другой гляди. Такая ровненькая улица, два километра! И деревья же кругом, и дома. Там плакать надо було, какое же ето было село!

<...> Вот наш дом стоит, мой родный, на угле по пролету четыре окна, на улицу — два. Это Толстов переулок. Переулок Толстого. Там другой, переулок Зеленый. Там переулок Церковный. У нас каждый переулочек был названный. А по деревнях тут от-ко иди, будет хата раком стоять. Неправду я говорю? А у нас же вот все под шнурочек стояли. И коло каждого деревья, коло каждого палисадничек, цветики. У нас уже на вулице никто ничего, сориночки не кинет!

Вторым важным моментом являлась самодостаточность Святска, который представал своеобразным микромиром, цельным и гармоничным, в нем было все, что может пригодиться человеку в жизни, основательно устроенный, он не нуждался во внешней поддержке.

<...> Там все чисто было. Пекарня, больница, и роддом, и зуботехник. Вот все, что надо человеку, все есть. Чище этого города был Святск, хоть он и деревня. И колхоз свой, и сапожная своя, и швейная своя. Все чистенько, вот, ни в чем не нуждались! И пилорама своя. Все в колхозе было. Все чистенько было в селе. Никуда и ездить было не надо. Я вот в той Новозыбков уж по крайнему случаю выезжала. Да ты что! Красота была... <...>

<...> Общежитие же было большое, двухэтажное, здоровенное. Сколько тут семей жило! А новые дома? И все жили. А сейчас пойдешь по той улице, ничо нема, одни только елки. Да ты что! Такой деревни нигде нема! По Брянской области она была самая первая. На первом месте больница была, приедут из Брянска, отовсюду, проверяться. Чище нашей больницы не было! И белья чище не было в нашей больнице! У нас врачиха Лидия Петровна, прожила, 22 года проработала. А потом уехала. А кто не приезжал из врачей, так никто не хотел уезжать. Говорять: «Нигде такого места нема». Школа-десятилетка у нас была. Своя, как ты не говори. Усе! Дом культуры свой же был. Один же был, а потом же новый построили. Сельсовет был старый, потом новый построили. Пекарню настаивали... Так в три смены работали! Хлеба понавывпекают, кругом брали. Вкусней же нашего хлеба не было. А батоны какие! И запах какой был! Батоны были такие во, красавцы! Полкилограмма батон. И по 16 копеек. А и теперь что батон? Чи он пахнет чем? Он и булкой не пахнет.

— А церковь и в советское время не закрывалась, работала?

— Работала. Была ж у нас церква, вот то летняя сгорела. Была у нас еще зимняя молельня. Была у нас еще беспоповка, и как вот на Первомайской [улица в Новозыбкове. — Е.Д.] церква, беглопоповка. И у нас такая была церква. Там попы не задерживались, там если не понаравилося, они утекали. А у нас уже поп не утякеть, хоть помреть, хоть, до конца уже будет. И была у нас еще одна, тоже беглопоповка, а пятая была синагога жидовская. Пять було. Жидовска пята. Вот сколько було. Я же говорю, село большое. Как я не знаю. Красавица було село. Када б оно сейчас до сих пор жило, так и поставило бы этот город. Вот Чернобыль этот...<...>

«Огняные облака»

Разрушение этого упорядоченного мира произошло, с одной стороны, неожиданно, ничто не предвещало беды, мерно и неторопливо текла обычная повседневная жизнь. С другой стороны, сам момент катастрофы не был для жителей Святска явно выражен и приурочен к конкретной дате и часу, выстраиваясь, конструируясь в сознании позднее, через воспоминания о каких-то отдельных фактах. Это было медленное, постепенное проникновение и разрастание проявлений хаоса в при-

вычном пространстве — необычные «огняные» облака, разноцветный дождь, непонятная серая пыль и т.д.

<...> А Чернобыль они же днем же объявили. А она-то ночью была. Када мы работали в ночь, у пекарне, в три смены же работали. Када мы работали в ночь с женщинами, мы пошли уже перед утром трусить мяшки. И там у нас церква была еще. У нас же четыре церкви було! И церква была, и над той церковью такие липы здоровенные, высокие. И над теми липами вот огняные облака висели. Огняные! Висять, даже макушек лип не видно! Такие облака висели. Мы и говорим: «Да что это за такое?» А там кочегар: «А Бог яго знает». А пришли домой: «Чернобыль, Чернобыль!» Вот тебе, говорю, Чернобыль, ночью мы поглядели. Вот тебе и Чернобыль, вот так! <...>

Я как раз зафиксировал, потому что в этот день, ближе так, после полудня, я заметил, какой-то низовой ветер идет. Низовой ветер, и он вскидывает пыль, пыль поднимает. А это, по моим наблюдениям, это всегда к перемене погоды, к дождю. А потом у нас на горизонте, на белорусской стороне, там песчаная почва, появляется облако пыли, оно надвигается, надвигается. Но какое-то странное. Пыль желтого цвета, как песок, они и раньше ходили такие пыльные бури. А на этот раз окрас пыли какой-то необычный, она какая-то серо-коричневая. А потом такую пыль пустила на наше село, что даже не видно ориентиров, где там, что находится. На Святск накатило. И очень быстренько собрался дождь этот. Полил, лил ливнем. И первое, что я заметил, когда все это стихло, и прояснилось небо, это оранжевая пена по краям в лужах. Почему она оранжевая? И на наши запросы сами врачи попытались объяснить — никакая это не радиация, это цветочная пыльца с дождем выпала. Да еще тут нечему было цвести. Никогда такого не было <...> (записано от А.П. Воробьева, 1937 г.р.).

«Непонятно что творилось!»

Сам отъезд из Святска не был организованным одномоментным мероприятием, а растянулся на долгое время. Процесс переселения нарастал по мере узнавания жителями новой устрашающей информации из самых разных источников — официальных и неофициальных. Так, социолог Сергей Мирный связывает травматические последствия Чернобыльской катастрофы не столько с прямым воздействием радиации на человека, понимаемого как биологический объект, сколько с информационным полем аварии, определяя событие как инфотравму или инфовзрыв. Анализируя механизмы формирования этого, уже вторичного «взрыва», в качестве важнейшего момента он выделяет противоречивость информации, помимо дозированной и неадаптированной

научной составляющей включавшей массу журналистских домыслов, слухов, сенсационно преувеличенных сообщений и т.д.¹⁰ Ситуация усугублялась и непоследовательными, нелогичными действиями местных властей, особенно на первых порах. Сверху поступали самые разные указания, как подтверждающие опасность угрозы для здоровья, так и успокаивающие.

— Ну, сперва какая-то нервозность была, непонятно что творилось. Например, вот такое дело. Поступило указание перевести Святск на молоко из чистых районов. Местное употреблять запрещено, поскольку он загрязнено так цезием, что его просто в доме как продукт держать опасно. Излучает свой спектр. Потом поступила команда, реквизировать личный скот, потому что пасется на траве там, тому подобное. Ну, повели куда? В колхоз повели, на ферму, сдавать.

— А что сделали с ними, зарезали?

— Да нет. Поначалу жили они там, коровки эти. Доили их, а молоко на промпереработку увозили в Новозыбков <...> Потому что вроде рука не поднималась утилизировать этот продукт, доить и выливать. Не по-человечески. И что вы думаете? Повели хозяйки, кто со слезами, кто с причитаниями своих кормилиц в колхоз. Мне моя соседка Рая говорила, она тайком с краюхой хлеба, чтобы никто, ни муж, не узнал, ходила на ферму и подкармливала свою Авторку. Животные же тоже они чувствуют, стресс. Сокращаются надои молока, общие показатели у этих коров потянули вниз. Зачем колхоз будет себя обременять, тоже ведь план с них требуют. Взяли с весны этих буренок на бойню, а ведь хорошие были коровы. Хорошие были коровы, удоильные. Плохую крестьянин не стал бы держать в своем хозяйстве. Потом кур стали собирать, реквизировать кур. Потому что они тоже копошатся в земле, потом яйца... А потом оказалось, что хоть куры и копаются в земле, степень загрязнения яиц самая минимальная.

— А официальное решение о выселении когда было принято?

— В 1989 г.

— И никто не уезжал до этого?

— Нет, уезжали уже некоторые. Колебался народ, то ли уезжать, то ли остаться. Уезжать куда? Как? ...Было принято решение в районе Новозыбковском построить 18 столовых, и их построили. Строили для того, чтобы питать людей чистыми продуктами. Заложили строительство Дома культуры в Святске. Огромный Дом культуры. Склад химудобрений, огромный. И все это строилось. Когда радиация случилась. Жилые дома в Святске строили. Дорогу асфальтировали. И все это уже когда радиация, в зоне жили и все это строилось. И туда еще миллионы рублей укладывали <...> (записано от А.П. Воробьева, 1937 г.р.).

Святская сапожная артель. 1950-е гг. Из личного альбома О.К. Усовой

Будучи субстанцией крайне неопределенной — невидимая, неслышимая, физически неощутимая, — радиация и масштабы исходящей от нее угрозы оставались непонятными как для сельских жителей, так и для представителей администрации. Те и другие пытались изобрести равно нелепые способы спасения от нее, «смывая» радиацию водой или затыкая тряпками щели в постройках.

У меня соседка через два дома. Ее сосед хохотал, рассказывал. У нее там сарайчик, и она там поросенка держала. Надо же животное спасти от радиации, и она стала тряпками затыкать дырки во всем сарае <...>

И вот, что интересно, на военных машинах этих поливали дома. Смывали как радиацию, пеной такой, раствором специальным. Может, оно что и давало... (записано от И.А. Кузнецова, 1945 г.р.)

Эта неуловимость, неосвязаемость радиации, с одной стороны, усиливала страх перед ней, с другой — позволяла людям, не желающим покинуть родные обжитые места, трактовать ее воздействие с позиции отрицания или игнорирования опасности. Именно так вела себя и Ольга Климовна, она до сих пор убеждена, что радиации в Святске нет.

Исследователи пишут о двух волнах информационной паники после Чернобыля — сразу после катастрофы и в период с 1989 по

¹⁰ Мирный С. Чернобыль как инфотравма // Травма: пункты: сборник статей. М., 2009. — С. 226-227.

1992 г.¹¹ На эти периоды приходится и массовые расселения людей из зараженной зоны, связанные как с официальными мероприятиями, так и добровольные.

Сперва ничего. А потом стали говорить всё про Чернобыль етот. И стали все уезжать, уезжать, уезжать. А потом как все опять устепянулись, и прекратили язду ету, наверно, года два ти три жили спокойно. А тада опять засуетилися. Стали опять же писать: «Чернобыль от ето! Детей не жалеете да всё...» Школу закрыли. А куды в школу? Закрыли. В Вышков в школу. А что Святск, что Вышков! Рядом же они! Детей у Вышков стали возить. А тада ж люди и стали уезжать. Кто куда. И поразъехались. Кто куда. И в Херсон много уехали.

«Войну прожили, и вот тебе Чернобыль!»

Характерное для старообрядчества использование эсхатологических категорий в интерпретации реальности, когда все окружающие явления — бытовые новшества, природные катаклизмы и техногенные катастрофы — трактуются как приметы последних времен, описанные в «старинных книгах», вопреки ожиданиям, оказались не востребованными в рассказах о Чернобыле, которому не предшествовали ни обычные накануне значимых событий предчувствия, ни вещие сны: «Вот ничего не говорило, ничего! Хоть верь, хоть не. И не снилося, и

Святская швейная мастерская. 1970-е гг. Из личного альбома О.К. Усовой

не казалось. Нету етого!» Практически во всех интервью единственной аналогией катастрофе выступает событие относительно недавнее, еще не изгладившееся из памяти святковцев и имевшее тяжелейшие травматические последствия, — война.

Я говорю, одно горе пережили — войну. Ну, уже все обтуркались люди, уже живут. Все поподелали, живем. И на тебе эта радиация! Господи милостливый! Вот всяго було. И нагоревались, и наголодовались, и всяго хватало. Что тока нема! Войну прожили, и вот тебе Чернобыль!

Рассказы о войне составляют обширный и очень значимый пласт в воспоминаниях жителей Святска, переживших оккупацию в детском возрасте.

Ой! Намучилися мы, всяго нагляделися! По лесу ходили из села. Уже ш немцы тут от-ко, идут палить ету деревню. Все идуть и палять, идут и палять! А наш же дом, большой же, красивый, тут и церковь близенько. Мы уж глядим, сидим у болоте — церковь будеть гореть, и мы погорим. А той край, другой, горить усё. А до нас еще не доходить. А одна старушка, соседка, рядышком с нами жила, осталась: «А я никуда не пойду, хоть и сгорю, а дома». Мы же, уже как самолеты немецкие летять: «Борона лятить, борона лятить», — и мы все хоронимся. У нас на городе, в саду был окоп. И мы в той окоп у

Святская швейная мастерская. 1970-е гг. Из личного альбома О.К. Усовой

¹¹ Мирный С. Указ. соч. С. 227.

себя бежим, и соседи, какие близенькие, в той окоп. А у нас собачка вот такая была желтенькая, и Тобичек той уже в окоп бежить. Знает уже, самолет лятить, и он уже лятить в окоп.

И вот та бабка осталась, а мы уже все у болото, у лес. А тут это мама захварывает тифом. Тиф. И вот она ляжит на повозке, мы уже уехали, и маму ж забрали, и корову забрали. И сестра, и другая сестра, и отец же. Ну, все уехали. А мама уже ляжить на этом возу, и в ей губы вот хвиалетовые. Ну, тиф же, она уже совсем, чуть живенька ляжить. А немцы втянули же пулемет на церкву, и снаряды летать, свистать по всём, а мы вот нагнутые ляжим. Ложечкой маме водичку дам. Те, батька, и сестра, и другая сестра, трошки дальше пошли. А я с ней уже, меньшая так, я уже с мамой осталась. И сижу ложкой водичку ей даю. Вот они подходят два немца, и счас на повозке копають, копають, и что там хорошее, платки там хорошие, все забрали они. И погыркали, погыркали сами себе и пошли они. Я думаю: «Сейчас маму убьют и меня убьют». Они погыркали и пошли. Я: «Ну слава Богу, пошли. Нема».

А тада трошки успокоились. А у нас недалеко выкопанный окоп, 21 человек в той окоп влазили. Ну, длинный такой покопали, и мы по одному человеку в окоп, в окоп, в окоп. Одна женщина родила две девочки, двойняточек, и она полезла первая в окоп. И там в заду сидить, она с детками сидить. А мы же ж сюды все, ближе, ближе, ближе. Сидим. Подходят немцы, три штуки, к етому окопу: «Гыр, гыр, гыр, гыр». Да автомат туда, в окоп: «Сейчас постреляю, вылазьте!». Мы вылазим усе и становимся у ряд, становимся. Нас же человек 20, а ета Настя и с двоими деточками, две девочки, вот так несеть на руках, последняя вылазит. А мы ж уже в ряду стоим, и немцы же стоять вот так. И она как вылезла с двоими детками! Оне как побегли от нас! И ушли! И мы остались. Я говорю: «Вот эти деточки нас спасли». Пожалели немцы. И эти девочки, одна на одной руке, другая на другой.

И эти девочки, она не жива, а ее дочка жива. В городе. Так в прошлый год, она меня уже говорит: «Климовна, мене сказали, что вы знаете, где мои родители жили». Я говорю: «Знаю! И дед, и баба, и прадеды знаю, где твои жили». Дак мы как приехали прошлый год, дак я ж ее водила. Дак вы поглядели бы! Она как упала на колени, так землю хватает и цялуеть: «Это ж мои родственники тут, мамочка жила тут». Она молодая еще, контролершей работает на автобусе.

«А евреев же половину постреляли»

В воспоминаниях Ольги Климовны и других жителей Святска о тяжелом военном времени ключевое место занимают рассказы о расстреле святских евреев и жестокости фашистов.

А евреев же половину постреляли. Шо були евреи, и немцы их усех такие круги, тряпки понашили им на плечи. Это что еврей. Там же и старообрядцы, и русские были, а это ж еврей уже. И понашили им круги такие всем. Много здесь жили семьи. И начали стрелять. Еще немцы их заставляли работать. А что работать? Зима ж, мороз... Сейчас и морозов таких нема, тогда, знаешь, морозы 30-40 градусов были! И вот соломы по дороге настелють, немцы, натрусють, а жидов всех выгонють: «Идите подбирайте». И они бедненькие! Не вязены [варежки. — Е.Д.] же не дают одевать, ничто, голыми руками! Подбирают эту солобочку! Всю поподбяруть... а тогда уже стали их расстреливать.

А за Святском, вот туды вот, у нас цегельня така была, салотопка. Знаешь вот, коней, коров дохлых вот там топили, ну, на что там. И кожи выделывали. Ну, у нас у Святске вот усё чисто було... Вот что есть на етем свете, усе оно було! И вот там ета цигельня и такие вот с гор обрывы, обрывы, обрывы... И на конях, тада ж машин-то никаких же не було, и вот на конях этих евреев же вязуь. Семьями, и деточек держуь, и везуь их на тую цигельню. И там от-ко их уже расстреливаюь! С автомата. Поставяь их у ряд и стреляюь, и стреляюь.

А мы же, вот так уже край Святска, и все ж слышим, как они их стреляюь там. Усё! А тада уже какие недобитые, еще живые, ворочаюься, так уже ходяь и с автоматом и строчать, и строчать! По етих жидях, по евреям по етих. Ходяь. Вот попостреляеть их уже все, они в крови. А у каких жидов волосы видно, ветер их, этот волос гоняеть...

И вот попостреляли уже, кончили, всё. И мы собралися, сколько девчат. Я говорю: «Пойдемте поглядим». И хлопцы, ну, такие, подростки. «Пойдемте, сбегаете». Пошли! Дак оне там от-ко, знаешь! Одна жидовка держит детеночка, а он весь у крови той дитеночек, она держит... И хто покрытый материем, хто чем. Знаешь же, ишли с дома, так что уж ухватили там. И той детеночек в одеялочке увернутый, ляжить... Господи! Мы как глянули! Тикать оттыда! Такая жуь была!

А соседка у нас, тут у Святске живеть, коло нас, ето сестра была за евреем. Морхул. Он Морхул, а она — Грушка. И у их была девочка. И Грушка ета померла, и Морхул помер. А девочка осталась, и забрала сестра яё. А тада пришел дед яво, и бабка. Еврей же ще не расстрелянные были. И оне, немцы, узнали, что ета девочка же их, так пришли и убили! При деде и при бабке, девочку тою убили! И сестра ета так уже плакала, так кричала! Ну что? Все...

А в моёй двоюродной сястры мужик был еврей, и вот тоже ж хлопчичек у их. Шурик. Такой хороший, что я не знаю... И Нюрка уже ж боится, что того дитенка убьют. Возьмут и убьют. Так она что? Там от-ко уже немцы наняли дом, небольшой. И там девки приходили, гуляли и с немцами...

— Были такие?

— Да, були. И тогда ета Нюрка уже говорить, там одной: «Дусь, нехай у вас лучше будеть». И он с бабкой на печке сидел. И как немцы влюбились етого Шурика! И оне уж яму усё чисто нясуть, еду, да что там. А оне ж то не признаются: «Наш, наш дитенок и все!» Вот он и жив остался.

«У нас же деревня была тока старообрядцы да евреи»

Из этих воспоминаний о трагических событиях, рассказываемых чрезвычайно эмоционально и со слезами, вырисовывается еще одна сторона и особенность жизни в Святске, в котором расселялись не только старообрядцы. При этом следует отметить, что в приграничном регионе, где издавна взаимодействовали самые различные религии и культуры, основная линия их раздела проходила у святских старообрядцев («москалей», «кацапов») не с белорусами или украинцами («мазепами», «хохлами»), как в Новозыбкове или окрестных селах, а с еврейским населением.

У нас же деревня была тока старообрядцы да евреи. Никого больше не було. А тада уже начали наезжать вот как колхозы стали. Вот тада и начали наезжать другие. А то старообрядцы и одни евреи.

Наряду с пятью церквями — старообрядческими и единоверческими — до революции в Святске была и синагога. Позорным пятном на истории села его жители считали еврейский погром, случившийся в начале XX в. Погром был связан не с коренными святковчанами, а с приезжими черносотенцами, однако этот смягчающий момент служил слабым утешением для старообрядцев, не сумевших предотвратить чужой жестокости¹².

Факторами, снижающими социально-психологическую и культурную дистанцию между старообрядцами и евреями, служили, как социальное аутсайдерство по религиозному признаку (и старообрядцы, и иудеи относились к преследуемым конфессиям в дореволюционной России), так и ограничение основной сферы реализации определенным типом связанных между собой занятий (ремесло и торговля). Собственно, само соседство старообрядцы объясняли экономическими причинами: «У старообрядцев много было купцов. А где купцы, там и евреи» или «Старообрядцы то они ремесленники в основном. А там где ремесло, там и деньги есть. А там где деньги, там еврей должен торговать» и т.д. (записано от И.А. Кузнецова, 1945 г.р.). При этом отношения друг с другом информанты характеризуют как

Работа в колхозе. 1970-е гг. Из личного альбома О.К. Усовой

мирные, дружественные, бесконфликтные: «Да как-то они уживались эти веры. Никогда они не враждовали. Более того, какое-то согласие между ними царило, такое чисто человеческое. Взаимопомощь там, взаимовыручка» (записано от А.П. Воробьева, 1937 г.р.), а сами евреи наделяются положительными качествами, близкими старообрядцам: «Ой, они работают! Они ще лучше нас работают. И помогут всягда, как не попроси. Никада не обидять, никада!» Даже использование известного «бытового» экзотонима «жид» для обозначения евреев, равно как и рассказы о культурно-бытовых различиях не содержат четко выраженной негативной коннотации, просто констатируется их отличие от «своих», странность, непохожесть, непонятность.

Вот мы бягим, малые, а тут синагога недалеко, а жида, знаешь вот, стоят и лбом об косяк, молятся. Об косяк шлеп, шлеп. А мы еще стоим да глядим. Непонятно же нам, мы ж не так.

В рассказах Ольги Климовны помимо уже описанных ситуаций содержатся упоминания о смешанных браках и о взаимной религиозной терпимости в таких семьях.

Моя сестра двоюродная за евреем была и двое деток у их було. Дак вот етот еврей, она ж все время в церкву ходила, дак он все время ей деньги давал у церкву. И когда баба не пойдет в церкву, так он ей: «Зачем ты, баба, не пошла у церкву?» И деточки все крещеные. Все крещеные детки. Вот так! Вот тебе и еврей!

¹² Каменецкий О.Г. Указ.соч. С. 33.

Святская школа. 1980-е гг. Из личного альбома О.К. Усовой

346

В послевоенные годы евреев в Святске практически не осталось, немногие выжившие разъехались по разным местам. Уроженцем села Давидом Драгунским, дважды Героем Советского Союза, было организовано захоронение останков погибших и установлен памятник. Рассказы об этом человеке также занимают существенную часть полевых интервью. С ним нередко связывают лучшие годы Святска, его процветание в советский период.

Богатый колхоз был. Все было! А Драгунский же, наш герой, какие машины, какую технику, все сюда нам отправлял, у Святск. Все нам. Може, какие и не надо еще списать, а он уже списывал, да сюда, на родину!

Ольга Климовна также сетует, что Драгунский не дожил до страшных времен после радиации и не сумел предотвратить разграбления Святска.

Вот Драгунский бы им [властям. — Е.Д.] не дал, не допустил бы он и все тут. Чтобы Святск вот эдак растащили и побросали все. Если бы он был жив, мы бы и до сих пор у Святске жили!

«Сколько буду жить, столько буду плакать»

На сегодняшний день в социальных науках существует три основных подхода к анализу травматического опыта, когда травма понимается как утрата, как символическая матрица, и наконец, как консолидирующее событие. Каждый из этих подходов предлагает множество ракурсов рассмотрения проблемы и опирается на наработки различных гуманитарных дисциплин (психологии, философии, литературоведения и т.д.). Вместе с тем все они объединяются общим отправным исследовательским моментом — понимание травмы не только как единовременного события, которое резко изменило жизнь, но и как процесса, продолжающего оказывать воздействие на отношение людей к своему прошлому и на восприятие своего будущего и настоящего, когда люди учатся жить с травмой, не подавляя и не вытесняя ее, а находя для нее место в своей судьбе¹³.

Последствия чернобыльской катастрофы для локального старообрядческого сообщества оказывались не просто травматичными, а тотальными, уничтожающими весь привычный мир с налаженными социальными связями и всю среду обитания. Поэтому выработка механизмов социально-психологической адаптации и принятия сложившейся ситуации оказались процессом чрезвычайно болезненным. Так, помимо экономических причин и организационных проблем самым важным фактором затянувшейся эвакуации из зараженной зоны было нежелание жителей Святска покидать родные места, ставшие опасными для жизни.

Для каждого отъезд был трудным личным решением.

Как они выезжали! Как люди плакали! Ой! Грузятся и плачуть. Грузятся и плачуть. А дураки, что едут. Надо было никому не ехать. На месте сидеть да и все!

347

Решение это, как следует из рассказов, далеко не всегда было продиктовано пониманием опасности, исходящей от радиации, а принято под давлением внешних обстоятельств — в пустующем селе оставалось все меньше условий для жизни, необходимых коммуникаций, появились мародеры и т.д.

Для некоторых, в том числе для семьи Ольги Климовны, расставание со Святском оказалось принципиально невозможным и стало приемлемым выходом только через надежду на возвращение.

А когда же уже выехали все, а мы и с дедом еще были тут, в Святске. А потом дед уже артель кинул, уже ж нету никого... И вот мы до последнего были у Святске. До последнего! Все уже разде-

¹³ Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сборник статей. М., 2009. С. 7–11.

лалось, тада уже и мы поехали. А как же жалко было уезжать! Ой! Ты что! Такая жалость, что не знаю... Мамочка родная! Вышла я на гарод, обняла угольчик сарая, говорю: «Господи, чи вернемся, чи нет. В Добрунь едем». Да и взяла земелечку и с собой. А мы и вярнулись! А мы и вярнулись... Я говорю: «Если есть Бог на свете, вярни ты нас назад!»

Еще ехали до Новозыбкова, со Святска до Новозыбкова ехали, еще мне ничяго було. А как завернулись уже на Брянск, я уже дорожечки не видала, все время проплакала ... Все время проплакала! Так шофер сидит и уже говорит: «Ну, сколько ты уже будешь плакать?» А я говорю: «Сколько буду жить, столько буду плакать. Столько и буду плакать!» И вот, и вярнулись назад.

«Все равно я тут жить не буду»

Период жизни вне Святска продлился недолго, переехав в Добрунь (небольшой городок в Брянском районе), Усовы прожили там полтора года, затем вернулись в Новозыбков, а лето стали проводить в одном из уцелевших домов в Святске. И если выбор места для переселения из Святска определялся рациональными соображениями — поближе к родственникам, качество предоставляемого жилья, возможность вести хозяйство и т.д., то впоследствии, когда принято было решение вернуться, все эти аргументы потеряли свою значимость и обесценились, уступив эмоциональным мотивациям. При этом в экономическом плане жизнь на новом месте была уже практически обустроена, постепенно наладились и социальные связи.

348

— А в Добрунь вы когда уехали?

— А мы в Добрунь уехали у 92-м году.

— А остальные семьи куда разъехались?

— В Добрунь три семьи только, в Шестохи, у Кистёры, куда попали, в Темичи.

— А почему вы Добрунь выбрали?

— Хоть в Добрунь, хоть в Усох. А я в Усох совсем не хотела. А хоть и в Кистер. Так он поехал в Кистер поглядел, не понаравилося. В Усох поехал поглядел, не понаравилось, надо же, чтобы и дом, и земля. Вот Добрунь. Как с Новозыбкова едешь, вот тут теплицы, а это туда, в сторону Брянска, не доезжая Брянска. Там уже в Добруни моя сестра жила. Как поближе.

Полтора года там прожили и вярнулись. Я сказала: «Я все равно вернусь, я тут жить не буду! Гриш, поедем домой! Хоть у Святск, наша хата стоит, — я говорю, — будем жить. Или в Новозыбков. Но тут, — я говорю, — не хочу». И поехали. <...>

<...> А в Добруни уже, приехали в Добрунь, вот это время, осень уже ж. Убрали уже все. И семена, и картошки взяли, и луку,

и семечки, усе. А в Добруни надо ж сеять, а у нас же нема ничего. Ни земельки, нигде. И сижу я на лавочке, а идет заведующая магазином: «Ну что ты сидишь, горюешь?» Они ж знают, что мы приехали. А я говорю: «Люди ж все сеют, и все, а нам, — говорю, — нету. Негде даже и луковинки посадить». Говорю: «Семена есть и все...» А она и говорит: «Ну ладно». Посидела и пошла. Приходить домой, а у нее четыре сына, мужик погиб, и она со свекровью живет. Пришла и стала рассказывать свякрухе все. А в Добруне той никогда, ни лук не сеяли, ниче, только картошку да бураки. Она и говорит: «Вот так и так. Вот мы вспахали, позови ты их, нехай сеют». Танька та идет назавтрава и говорит: «Тетя Оля, идите вы делайте свое дело. Вот там земля, там попахано, там все приготовлено». Пошли мы с Гришей, как понаделали ж мы гряд. А лук вот такой как вырос, красивый! И ты знаешь, как на экскурсию приходили. А лук во такой повырос! А у них же никогда того луку не було! Они если и посеют, так семейного, вот такой шнурочек по одной луковке. А я то гряды широкие поделала. А пришли сажать сеялкой, а я почти два ведра нарезала. Хлопцы: «А на что той лук, как же он будет рости?» А тада как повырос, так они все удивлялися. На экскурсию вся Дабрунь, вся деревня приходили. И вот там в Добруни два лета я ще сеяла. Так она голосом плакала, как мы уезжали: «Как мне жалко, что вы едете! Как же я теперь буду!» <...>

<...> Так же вот жили же в деревне, все надо було. А поехали же ничего не надо. Я говорю, поехали мы в Добрунь, нагрузили первую машину, отправили. А потом уже второй раз, нагрузили всего. А потом уже когда ехали с Добруни, так мы там почти все и поставляли: «Гриш, а на черта все это?» А сколько же у меня посуды было, и тарелок, и больших и малых, в ящиках поназапечатано. Так я в Добруни не разделявала их. Я говорю: «Все равно я тут жить не буду». Погрузили все в подавал у Святске. Через неделю у нас в подвале нет ничего, все украли. Все подобрали. А на черта оно мене? Нехай беруть. Вот так! Все хорошо! Главное ж вярнулись у Святск. Нехай беруть! <...>

<...> Я вот не могла там и усе. Как вечер, на улицу выйду, смотрю, а сама, как ето все у Святске. Вот как там солнышко садится, за церкву нашу, как там цветики растут. А дед мой, видит, шо я то уже не могу и сказал мени: «Все, Олька, поедем домой. Ты здесь помрешь, поедем домой». Я! Я уж и сама не своя! Нашли вот квартиру у Новозыбкове. Эти ж хозяева приехали: «Вам доплатить чи шо?» А я говорю: «Ничого нам не надо, баш на баш». Так они приехали, а мы вже и с вещами, ничого не ждали. Усе покидали и уехали, сразу, ни минуточки не ждали.

349

«Как живой вроде»...

Параллельно с процессами переселения шло постепенное разорение Святска. Сначала это делалось на официальном уровне, разбирались и вывозились из зараженной зоны какие-то хозяйственные постройки, культурные и административные здания. Затем стали растаскивать частные дома и усадьбы, иногда сами хозяева, чаще — заезжие мародеры. Нашлись и те, кто специально за небольшое вознаграждение или выпивку подбирал стройматериалы для приезжих заказчиков. Рассказывают, что поворотным моментом в разрушении Святска послужил найденный кем-то в одном из оставленных домов старинный клад, слухи о котором привлекли мародеров.

Возвращавшихся «с чужбины» ожидал уже совсем не тот красивый и самодостаточный Святск, о котором они помнили и тосковали.

А када приехали из Добруни, все дома стоят, где полы повытянутые, где окна повытянутые. Все уже такое посыманое, все! А так досадно! Так жалко, что я не знаю...

Святск потерял устойчивость и завершенность, превратившись в подвижное пространство, буквально разваливающееся на глазах у его последних жителей, распадающееся на куски, которые уже невозможно соединить и сопоставить.

А Женька [сын Ольги Климовны. — Е.Д.], когда приедет из Гомеля, так мы пойдем с ём и походим по Святску. Пойдем и походим.

350

Памятник погибшим в Великой отечественной войне («святская матка»). 1990-е гг. Из личного альбома Н.С. Шведова

А так одна боялась ходить. Знаешь, много людей ходило усяких. Усяких, усяких людей ходило много. Оне ж крали без конца. Тягнули все чисто. Что ни попало, все тянули. Даже как ехали, дома пооставались, и в домах хрунья, гарботья [хлам, мусор. — Е.Д.] всякая пооставалась, так ездили на конех и збирали ети хрунья и на возы себе клали и уезжали. <...>

А тада пошли мы с Женькой, а стоит бюст Ленина. Его хотели на площади коло Драгунского поставит. Тут вот матка [памятник солдатской матери, посвящен Великой отечественной войне, но в устных рассказах часто — это памятник жертвам Чернобыля, «Чернобыльская мать». — Е.Д.] стоит, там Драгунский стоит, и тут же Ленина хотели поставит. И не успели уже поставит того Ленина. А мы с Женькой сходили, поглядели того Ленина. А он стоит в рост, в пальте, и так газету держит. Тогда пошли мы назватрева с Женькой, пошли уже Ленина нема, уж утягнули за ночь. Так Женька говорит: «Мам, че мы ямку не выкопали да в ямку его не закопали. Железяку какую бы положили, нехай бы поискали». Уже за ночь, уже утянули. Там же бронза. <...>

Каждый день приносил новые потери, а они, ведя счет этим потерям, отчаянно пытались поддерживать хотя бы иллюзию прежнего бытия — «как живой вроде».

А знаешь, как остался этот дом... А все ж, нема никого. А мне жалко. Так я же в своем доме поповешаю шторочки и туды пойду поповешаю. Пусть в хате как хочет, а пусть с улицы как живой вроде. А мне жалко! Повешаю полосочки, шторочки, и от мене хорошо!

«Церква закрыта, а лампад горит!»

Постепенно разрушались, стирались значимые и знаковые места Святска, вокруг которых строилась вся его внутренняя жизнь. С одной стороны — административный центр: сельсовет, центральная площадь с советскими памятниками, с другой — традиционные сакральные локусы: храм и кладбище. Старообрядческая церковь, также разграбленная мародерами, долгое время представляла собой полуразрушенный деревянный остов, а затем была сожжена неизвестными людьми.

Для Ольги Климовны, человека глубоко религиозного, церковь и церковный двор занимали особое место, ассоциируясь еще и с различными житейскими ситуациями и гармоничной повседневностью «дочернобыльской» жизни.

Я ведь усю жизнь вот через эту калиточку ходила. Я ж в пекарне работала, так вот по стежке кола церкви и у пекарню. Усю жизнь!

351

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Святске. 1990-е гг. Из личного альбома О.К. Усовой

Тропочка така тиха, тут деревья, и птицы поют. Иду мимо церкви перекрещуся и опять иду.

Уединенная молитва у церкви служила для Ольги Климовны универсальным способом решения всех жизненных проблем.

Вот как что, так я иду туда и молюсь. Встану вот так одна, когда нет никого и молюсь. И чтоб никто ж не видел. И усе хорошо у меня в жизни було, вот усе!

Особенность места, с которым связано множество личных воспоминаний, проявлялась и в получаемых ею «знаках», необъяснимых явлениях, не пугающих, а как бы предупреждающих о существовании иного мира и призрачности границы с ним. При этом церковный двор предстает в ее рассказах пространством пластичным и маргинальным, профанное и сакральное в нем постоянно соприкасаются и довольно легко переходят друг в друга. Это преддверие храма и одновременно органическая часть деревенской инфраструктуры — через двор проходит «стежка», по которой люди ходят по различным хозяйственным нуждам, здесь растет сочная, привлекательная для домашней скотины трава, здесь можно собирать грибы и т.д. Еще одна характеристика этого многослойного пространства — его некоторая амбивалентность, точнее, близость и проницаемость для явлений противоположных «божественным», которым, однако, можно противостоять как молитвой, так и буквальным переходом на церковную территорию.

А вот мы ще в Святске жили, и мама мне говорить: «Оль, коровы все стадо прошло, а нашей коровы нема. Иди пробяги». И я вот как сейчас помню. Бегу у церкву. Она всегда забегает туда [в церковный двор. — Е.Д.], трава там хорошая. И я убегла [забежала. — Е.Д.] в калиточку с нашей стороны, по стежке. И знаешь что? С этой стороны горел лампад! Церква закрыта, а лампад горить! Блескученький такой лампад, длинный, старинный, и он горить. Я прихожу и говорю: «Мам, а ти у церкви служили, что лампад горить?» А она: «Да никакого ж праздника нема там, не було. Это тебе кажется». — «Мам, я стояла и глядела, лампад горить». И вот чего он горел, я не знаю. Мама опять: «Да это тебе...» — «Нет, мам, горел лампад!» Я говорю: «На левом крылосе лампад горел». И лампад такой длинный, блескучий, там от-ко рюмочка стояла и он горел. Бог его знает что. Вот так вот... <...>

А ето церковь [смотрим фотографии. — Е.Д.]. Вот в эти ворота я проходила 25 лет. На работу, каждый день, туда и оттуда. Иду раз с пекарни, 12 часов ночи. Иду по стежечке и луна светит, свѣтло, свѣтло. А в сумке у меня три булки хлеба. Нясу. И вот в етой руке нясу, и светло-светло, нигде же никого нема. И сейчас меня, хоп, от ету руку. Идеть, нога в ногу со мной. А глядь — кот! Высокий, здоровый, кашлатый! Белый кот. И он морду свою сунул мене в руку, идем: «Да что ты ко мне привязался?» А вон идеть и идеть! А я говорю тогда: «Да воскреснет Бог, да разыдутся врази его ненавидящия!» И де той кот делся?

— Исчез?

— Исчез! А ето, наверно, домовый ишел со мной. И я только ето сказала и калиточку ету перешла — и уже нема! И мне так лёгко стало. И я пошла тогда перед папертью вот так стала, да и перекрестила, да иду. И мне ничего!

Внутренняя связь с этим местом сохранялась у Ольги Климовны и в уже опустевшем Святске. Вместе с еще одной женщиной, вернувшейся после переселения, они продолжали приходить сюда, чтобы прибраться на территории храма и помолиться.

В церкву мы ходили с одной женщиной. Уже ж нету никого, людей никого почти нету [В Святске. — Е.Д.]. А мы с ей, оне живут и я живу еще, одна. Мене ж хочется дома быть. <...> Мы ходили с ей в церкву. Она ж уже разбитая была, там уже ж только что стены были. А не образов уже, ничего. И вот мы придем, она свечечку возьмет и я. Возьмем, запалим, погорить свечечка ета, горить, горить. У нас там бог Саваоф был у церкви етой, и там кольцо наверху. Поуметаем, поделаем усе у церкви, помолимся, эти свечечки забярем опять, и пошли. И так ходили.

Мы каждый день почти ходили... Она мне: «Олька, пошли!» — «Пошли!» — «Олька, надо нам венички другие сделать». А мы травя-

ных веничков сожнем, увяжем, пойдем свеженькими веничками поуметам. Я говорю: «Я серп возьму». — «Ну возьми, а то ломать, так они не ломаются, бьяри серп». Я взяла серп на плечо и пошли. Приходим в церкву. Солнышко так вот светить. Пришли, а в том кольце уделаны вожжи, зеленые новые вожжи. У тое кольцо и протянуты. Она ж высока. И так петля сделана, как кого душить. Мы стали, стоим. Окаменели да и стоим. Я говорю: «Валя, давай мы их отрежем». Серпом пилюкаю эти вожжи. Отпилюкали. Я говорю: «Вот пилюкаем, а кто-нибудь как выскочит и нас подушит тут. Может, кто приготовил кого задушить, а мы вот тут...» Срезали да и утекать. Оттуда. А эти вожжи закинули в траву далёко»

«Из Бразилии едем, поглядеть Святск»

Вся жизнь вернувшихся переселенцев в оставленном селе сосредотачивалась вокруг собственного дома, двора, небольшого хозяйства. Особенностью святской послечернобыльской повседневности стало отсутствие институтов, консолидирующих односельчан в единое сообщество, и постоянно присутствующей социальной среды или сферы, в которой происходили бы какие-то события или складывались ситуации, не связанные только с внутрисемейными проблемами и переживаниями. Подобные ситуации теперь либо конструировались самими жителями по их инициативе, например посещение бывшего храма, либо формировались вовне и вторгались в эту разрозненную повседневность неожиданно. Исходили они в основном от административных органов, организующих плановые мероприятия разного рода — проверку уровня радиации или медицинский осмотр населения зараженной зоны и т.д.

— А когда радиация была, не проверялись, что ли?

— Проверялись. На городе я работаю ж, одна. А разутая ж боюсь ходить, там же ужей було. Там эти ужики, змееки, бес их знат, ползают. Ну ладно. Делаю я ето. Короткая на мне кофточка, юбочочка. И вот слышу машина едет. И слышу, остановился. И я думаю: «Хто ж такой?» Подхожу на двор, и у мене уже калитка открывается. Врач. Женщина: «Вы здесь живете?» Я говорю: «Живу. Но я живу и в Новозыбкове». А он: «А че вы тут живете?» А я говорю: «Я хочу сеять свой сад. Я хочу всего, чтобы у меня все було». — «Тут радиация». — «Ну и что?» — «А чем вы питаетесь?» Я говорю: «Своё усе ем, у меня усё свое». — «Мы едем на конец туда, там сколько семей, так там будем проверять усе. И будем и давление проверять, и сердце, щитовидку будем проверять, так вот поедемте с нами». — «Да как же я с вами грязная поеду? Помоюся и приду». — «Дак вам же далёко идтить». — «Это вам далёко, а мне пять минут. Я так». Они смеются: «Ну ладно. Придете?»

— «Приду». Оне ж поехали. А я взяла помылася, переделася и пошла. Там уже люд с краю. Еще жили, наверно, семь семей. А врач: «А вы уже пришли? Мы думаем опосля всех, так подождем». А я говорю: «Я буду первая». Сердце стали мерять: «Подымите». Я подняла вот так вот. Тут вот, спину слухаеть. А второй сидит, говорит: «Чи у меня аппарат не такой, испортился, — говорит, — не знаю. Что делать я не знаю». А он поглядел, нормальный. А он мне и говорит: «Ну, вам можно в космос лететь». Я говорю: «Вот и полечу в космос». Нема ничего. А потом уже начали кровь брать. Тоже сказал: «Нет ничего». Щетавидку. Тут мажут чем-то. Помазали, щетовидку меряют. Померили. И говорят: «Нема у ей ничего. Как вы, — говорит, — питаетесь, что у вас нет ничего?» Я говорю: «Я все свое ем». — «А как же вы? И куры у вас, и яйца?» А я говорю: «Я яйцо ем, а куры, сколько живу, суп не поем. Никогда в рот не возьму, это только заразу себе заносить». А они хохочут надо мной, говорят: «Вот тебе и баба!» Проверили, я и домой пошла. Ни разу в больнице не была.

Но удивительнее выглядело событие, которое не вписывалось в этот ряд. В один из дней в Святск прибыла гуманитарная помощь. Привезли ее старообрядцы из Бразилии, возможно, потомки тех, которые уехали из села на заработки в начале XX в.

Када я была одна, приезжала машина здоровая, из Бразилии. У Святск. И как раз, вот знаю, в субботу. А я в субботу баню топила. Слышу машина едет. И хожу на гароде. Машина гудить. Я выхожу на улицу, а людей же нема никого. А Гриша ще каня пас. Ну, там в артели еще конь стоял. А здесь же нема никого. И вот подъезжает машина, прямо ко мне, к етой калонке. Длинная, длинная. А сзади машина маленькая. Как автобусик, маленькая машинка. Я говорю: «Что за машина здорова, кого мене везуть уже?» И выходит мужик из машины, и подходит прямо ко мне и говорит: «Давай знакомиться. Мы, возможно, — как это он мне сказал, — земляки». Я говорю: «Откуда ж вы едете?» — «Из Бразилии. Это мы едем, говорит, поглядеть Святск. Наши дяды и прадеды здесь жилй. А я, — говорит, — сам Николай Николаевич. Старообрядцы там, в Бразилии. Наши дяды и прадеды, — говорит, — и с етой стороны, вот мы решили посмотреть. И нам сказали, что вот тут Чернобыль».

Ну, ему годов 50. «Разрешите, — говорит, — мне сходить у комнату вашу, поглядеть». Ну, правда, у меня чистенько у хатке. Никола стоит, и вот так лампадочка горить. Он помолился и говорить: «А как нам церкву поглядеть?» А я говорю: «Очень просто». Поехали мы к церкви. Выходит из маленькой машинки женщина тоже. Как вошли же они в церкву, человека четыре или пять було, и ты знаешь, как увидели! Бог Савооф же... И руки вот так! «Кто же это так церкву

разгромил? Да кто же это так церкву разворотил? Да кто же это такой позор сделал?» А я вот стою плачу. Дак етот Николай Николаевич подошел ко мне и говорит: «Мамаша, не плачь. Это, наверно, так Бог уже дал».

Ну ладно. Поехали дальше, там же ще пять ли семь семей стоит. На другой улице, в край. Как поехали туда, моя родненькая, а там от-ко испугались: «Олька, чего это? Олька, что это за люди?» Я говорю: «Люди, да и все». Оне открывают машину, а там консервы, и макароны, хвасоль, и горах, и там что только нема. Сотни ящиков сняли на те семь дворов. А сколько они еще сняли сахару.

Ну ладно, посымали, попрощались с теми людьми, назад сели и поехали. Приезжаем сюды к нам. А Гриша ж ще кола артели стоял, а он же меня не видеть, что я в машине. А он стоит на каню, повозка запрежена. А они ж остановились и Грише целый воз наклали ети ящиков. Едем. А мы то вперед и коло нас стоим. И он подъезжает с ящиками. А женщина вышла с машины и, ты знаешь! Как обхватила вот так вот коня за шею, да как стала губы коню целовать! А я говорю: «Господи, а что же это вы цалуете?» «А ето же, — говорит, — лучше нет коничка! Справедливее нема,» — она мне так. И мене как понасымали этих ящиков тут! Страсть!

А тада еще сколько время прошло, наверно, месяц чи што, приезжают два мужика. С Бразилии. И у их тетрадка, и оне сколько тут уже есть людей, всех исписывали и всем давали по триста рублей. Вот я взяла триста рублей, распишися, что ты получила. «Это, — говорит, — нам надо. Это, — говорит, — мы решили вам помочь». Вот же ехать из Бразилии сюда! Я ж говорю, я уже всяго нагляделася. «Наши, — говорит, — дяды, прадеды жили тут. Оне это село устанавливали».

«Ямочки кола церкви»

Как было сказано выше, удивительным для меня оказалось отсутствие «классических» эсхатологических интерпретаций Чернобыльской катастрофы и связанных с ними «пророческих» нарративов (рассказов о вещих снах, предчувствиях, странностях и т.д.) в записанных интервью¹⁴. Появились такие нарративы уже позднее, когда в Святске осталось всего несколько семей, тех, которые вернулись обратно, не сумев приспособиться к жизни «на чужбине». Связаны эти тексты с самыми значимыми для святских жителей сакральными локусами — храм, церковный двор, кладбище, не утратившими своих основных смыслов («святое это место, намолённое») и функций.

¹⁴ Хотя, возможно, дальнейшие исследования дадут другую картину.

Летом же и грибы уже стали... Я и говорю: «Мой Женька из Гомеля, сын приедет, пойду-ка я грибков нажарю». Пошла. И собираю грибков. А тут вот так каштан, а тут могилочки. Где алтарь был, каштан стоял. И я коло того каштана... А там три могилки було. Священники похоронетые... И уже иконы же стали красть, и ето... И ети могилки разрыли. Оне ж были в клепях [склепах. — Е.Д.], у кирпичах етих. И я говорю: «Господи!» И еще такие ниточки, от риз, наверно. Там блестит, там блестит. Стою, знаешь, с корзинкой и говорю: «Господи милостливый, и вам покою не дали». Опять же перекрестилася, поклонилася могилке и пошла домой.

Прихожу домой, уже ночь. Ложиться спать. А у меня собака прибудна. Прибудилася, я стала ее кормить. Она у мене ляжить, на кухвайке, я у хате, а она ляжить у меня на кухвайке. Ночью. Ляжу, думаю: «Господи милостливый, что же это такое?» Ляжу на кровати, а свет то не палим уже, боимся. Будет кто ехать, постукается. Боимся. И легла так, руки одеялом покрыты. Открываются двери у сенцах. Собака ж лежит на ганках. Открываются двери. Вот вы, може, не поверите, слышу, открылися двери. Открываются у хату, у кухню двери, тада слышу уже открываются у переднюю ту двери, де я ляжу. И шаг, шаг! Идётся! А я ляжу, ни жива, ни мёртва. Вот окаменела и ляжу. Еще же ж собака загавкала бы, а то ж ни собака ни гавчить. Подходить ко мне к кровати. А я и глаза не могу открыть. Вот закрыла глаза и не могу открыть! Подходить ко мне к кровати да и говорить сипатым голосом: «Закопай ямки! Закопай ямочки кола церкви!» Господи! И слышу, сказал мне три раза и пошел. И двери опять закрываются, и там закрываются, и собака как лежала, так и ляжить. Не гавчить, ничёго.

На утро, и спала-не спала, не спала уж. Говорю: «Господи, а как же ямки то мне закопать?» Это ж много. Там же такая яма выкопана была, что не знаю. Едет Володька Жуков, был у батьки, у матки. Оне на другой улице. И он подъезжает и ко мне... Володь, так и так. А он и говорит: «Тетя Оля, не волнуйся ты, я через два дня приеду, пойдем и зароем». — «Добре тогда. Я не пойду одна, я уже боюся». Так он мне сказал, а назавтрева мой Женька едет из Гомеля. Я ему стала говорить, мол, Женья, так и так. «Пошли, мам, закопаем». И пошли мы как раз закапывать, вот как сейчас помню, шесть часов вечера. Пошли. Закопали мы ети могилки, он еще мне дерну сделал, я ще могилку так обклала, всё. Я говорю: «Жень, а пойдем у церкву зайдем». А он и говорит: «Мам, завтра лучше сходим, сегодня не надо идтить. Мам, не надо сегодня. Я что-то, мам, не хочу». Ну, он лопату на плечи, и я, и пошли вот так вот навкось. А ночью в два часа церковь сгорела! А, може, там хто и был, хто ж его знает. Вот же дите: «Мам, не надо сёдня! Вот и солнце садится. Мам, не надо! Мам, не надо!» И меня не пустил. «Лучше мы завтра придем». И ночью церковь сгорела в два часа ночи. Вот так! Я же говорю, что я только не нагляделася, всяго!

«Сгорела как свеча!»

Именно «нарушение» храма оказывается наиболее болезненным для жителей Святска, символизируя конец истории села, которого невозможно допустить. И именно с храма начинается его восстановление, но уже не как среды обитания, а как сообщества односельчан. Сначала на месте сгоревшей дотла церкви был установлен крест, затем стали совершаться ежегодные паломничества в день Успения Богородицы — святский престольный праздник. Следует отметить, что во всех рассказах о сгоревшей церкви, приобретающих некоторое мифологическое звучание, когда бытовые детали превращаются в метафоры, используется символическое сравнение «как свеча». Рассказчиками подчеркиваются необычные обстоятельства, при которых это случилось, — тихо, так, что никто не видел, и бесследно, даже головешек не осталось, — говорится и о неясных предчувствиях, необъяснимом беспокойстве, бессоннице, одолевавших всех, кто еще оставался в селе.

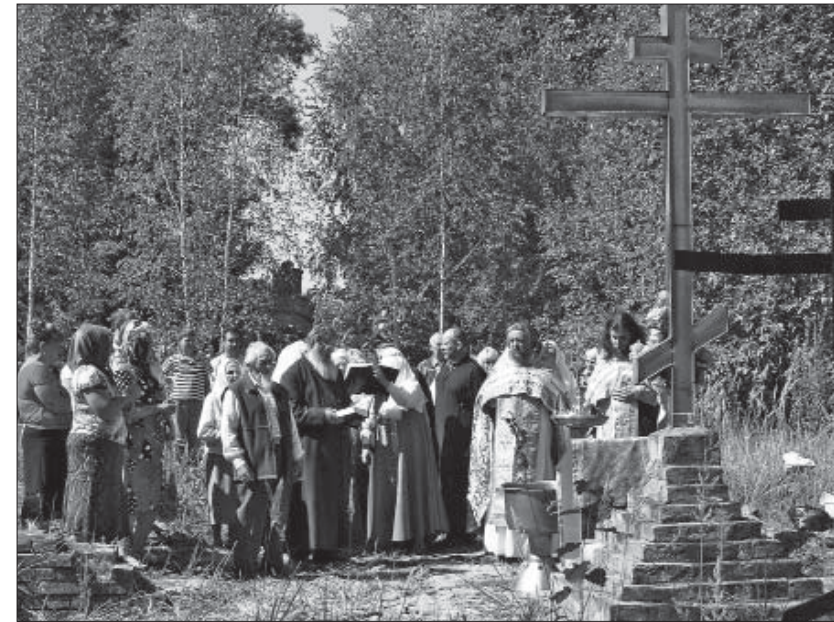
— Это в каком году было?

— В 2002-м, чи я уже и забыла. Я ж говорю, приехал мой Женька, сегодня вот он приехал, вот закопали могилки. А на утро он говорит: «Мам я пойду по грибы съезжу, а потом что будем делать». Ну, усадьба же, всё. А пришла ко мне суседка, там ще, одна тоже жила. И говорит: «Олька, что-то мне снится всю ночь. Я не спала ночь, вот и решила к тебе прийти». Пришла, сидеть, а я топлю печку. Женька ж уже приехал. Уже грибы становлю ети в печку посушить. А Женька: «Мам, а де церква?» Я говорю: «Как де церква?» — «Мам, церкви ж нема!» Она ж сгорела, никто ж даже и не знал!

— Как это?

— В два часа. Я лежала на одной кровати, Женька — на другой. И Женьке как раз хата видна сестрина, а в сестриной хате железная крыша. Он же проснулся ночью. Чёсь не спится. И я не сплю. Он: «Мам ты не спишь?» Я: «Нет, Жень, чёсь не спится, не могу спать». А он говорит: «Мам, а наверно, завтра будет погода хороша, смотрика как заря горит». А ето церква горела. У два часа. И ету крышу всю освятила, железную. А ничёго, ни треску, ничего не було. Она в середине запаленная. И она горела. И все головешечки, все попадали сюда, внутрь. И даже решетки были на окнах, и все туда, все в церкву попадали. Нигде, ничего. Только уголья летели, на траве. Сгорела как свеча! И никто не заметил, никто ничто. Когда хватилиси, где церква, а церкви уже нема... И утром дождь прошёл небольшой. И вот парочка идет тока. А не головешек не було, ничёво!

А когда мы лежали с Женькой разговаривали, это было два часа ночи. Одна машина проехала легковая, я подняла голову, в окно гляжу. Проехала белая машина. Потом ускорости, минут через десять, едет другая машина. Светит. И вот только она проехала, пять минут не прошло, она назад поехала. Наверно, приготовлено оно

Богослужение на месте разрушенного храма в Святске. 2011 г. Фото Е.С. Данилко

было, спичку черикнули и назад. В Новозыбков. Она в середине облита, наверно, была. Зато меня и Женька не пустил: «Мам, мне чёсь не хочется, чтобы мы пошли в церковь. Мам, не надо! Мам, не надо!» Наверно чувствовал оце. А че ж ты думаешь, не чувствуешь? Чувствуешь, конечно!

«Все же вон там есть, но он нам не показывается»

Организаторами коллективных поездок в Святск выступили несколько человек из бывших жителей села и священник, о. Сергей (Бедный), возглавляющий белокриницкий приход в Новозыбкове. Определенную роль в представлении Ольги Климовны сыграло и её «видение», став мотивирующим моментом.

— А когда начали вот так с церковью ездить в Святск?

— А пять годов, шестой год вот это ездили сейчас.

— Это отец Сергей предложил?

— Отец Сергей... А знаешь что? Кому какие видения бывают. Пришла я и говорю ему: «Отец Сергей, ты знаешь что, мне снился сон!» Спала ти, не спала ти... Може, и так оно, я не знаю. Выхожу я у себя на город, у Святске. Я как выйду на огород, у себя, а так оглянуся, и так мне наискось церква. Светятся купола. И над етой церковью, её ж уже нема, сгорела, и вот мене... И вот, знаешь, лес, а с лесу круглое вылазит солнышко. А я как будто стою, и ето

Святские жители после молебна. 2011 г. Фото Е.С. Данилко

солнышко, и гляжу на церкву. А церкви то уже нету! А там вот такой вот крест! Блескучий. И вот как солнышко встает, так той крест играет. А я сама себе: «А церковь то нема, а церковь то нема!» И я проснулась. И вот пришла в церкву и говорю: «Знаешь, отец Сергей! — и Володька там Жук. — А все равно надо над церквой хоть крест поставить, коло алтаря. Все же, — я говорю, — вон там есть. Он, — говорю, — блеснуть, но он нам не показывается. Он, — говорю, — там есть». Отец Сергей и Володька говорят: «Ну что ж, надо нам, наверно, крест поставить». И Колька Калюпанов, он милиционером в Гомеле, и Володька приехали, и они, наверно, три дня тут жили. И делали этой крест. И этот крест поставили. И начали ездить. Молебен служат теперь.

Ежегодно в Святск съезжаются бывшие односельчане из самых разных мест, ближних и дальних. Сначала проводится общий молебен, затем — застолье с чаем, вода для которого берется из святской криницы. Приехавшие обязательно идут на кладбище, навестить могилы родных и помянуть умерших. Следует отметить, что святское кладбище никогда не оставалось заброшенным, и на нем продолжают хоронить до сих пор. Для многих такие поездки не столько участие в молебне, сколько

возможность встречи с родными, близкими, соседями, возможность общения и совместного вспоминания прошедшего. Сюда привозят фотографии из семейных альбомов, вырезки из газет, книги, все, что имеет отношение к Святску, чтобы не просто показать друг другу, а чтобы вместе их посмотреть, перечитать, вместе вспомнить и пережить это воспоминание.

Заключение

Исследователи, занимающиеся проблемами посттравматических адаптаций в контексте различных гуманитарных дисциплин, говорят о том, что для определенных сообществ характерны специфические, укорененные в культуре коллективные реакции, восприятия травмы и способы ее преодоления¹⁵.

Как известно, долгое существование в агрессивной внешней среде позволило старообрядцам выработать довольно эффективный механизм социально-культурной адаптации к окружающему миру, который включал в себя как способы взаимодействия с социальными структурами, так и способы приспособления собственной концептуальной картины мира, прежде всего традиционализма, к изменяющейся повседневности. При этом невозможность хранить традицию во всей полноте способствовала формированию специфического к ней отношения, когда внутри традиции выделялись наиболее значимые элементы, непосредственно связанные с религиозным учением, потеря которых могла привести к потере идентичности, а религиозные и бытовые практики оказывались довольно гибкими и могли принимать различные, в том числе символические, формы. Мог ли пригодиться локальному старообрядческому сообществу такого рода культурный капитал и чем он мог им помочь? Ведь чернобыльская катастрофа имела для него гораздо более тяжелые и совершенно другого качества травматические последствия, чем те, с которыми старообрядцам приходилось сталкиваться прежде. Она разрушала весь привычный мир с налаженными социальными связями, всю среду обитания, не оставляя даже минимальной экономической базы и грозя физическим уничтожением.

Как следует из полевого материала, на первых порах речь шла не о приспособлении или даже сохранении собственной картины мира, возможно, именно поэтому привычные интерпретативные модели, например эсхатологическая, оказались не востребованы, по крайней мере в начале. Однако консолидирующие механизмы, также характерные для старообрядчества и способные в дальнейшем снова объединить раздробленное, рассыпавшееся сообщество, например общинная

¹⁵ Трубина Е. Множественная травма (послесловие) // Травма: пункты: сборник статей. М., 2009. С. 901–903.

взаимопомощь или практика совместной молитвы, пусть и в разрушенном храме, оказались чрезвычайно актуальны. А впоследствии невозможность возвращения утраченного микромира, цельного и самодостаточного, которым был Святск, подтолкнула его восстановление уже на другом, символическом уровне, не как места для жизни, а как сообщества его бывших жителей. При этом сохранялись все его важнейшие сакральные локусы, именно те, что делали Святск особенным местом, наполненные самыми важными смыслами, ценностями и ассоциациями: святская криница, с которой в далекие легендарные времена начиналось село, пространство для богослужения, обозначенное крестом на месте «сгоревшего как свеча» храма, наконец, кладбище, через которое транслируется непрерываемая связь с «дядями и прадедами». Все это и позволило Святску сохраниться, а его жителям остаться «святскими», где бы они ни жили сегодня.

Образ малой родины в устном и письменном нарративе тверских карелов XX в.

О.М. Фишман

Вот тут мой степень. Вечная жительская здесь.

Изучение малой родины обычно рассматривается как часть краеведения и представляет собой «самый древний тип локальной истории и одновременно самый устойчивый <...>. У истории „малой родины“ очень выраженная прагматическая составляющая: она обеспечивает фундамент для исторической памяти жителей соответствующей местности»¹. Подтверждением тому являются и взятые в качестве эпиграфа фразы карельской крестьянки Татьяны Алексеевны К., 1916 г.р. Русское слово степень (s't'eren'i — всг. гов. тв. кар. яз.) — *местожительство*, и сегодня звучит в русской речи тверских карелов Весьегонского края.

Каковы образ родины и история земли отцов и дедов, сохранившиеся в устных рассказах сельских жителей, как воссозданы они в письменных жанрах карельскими краеведами? Для ответа на эти вопросы будут использованы материалы, полученные в ходе полевой этнографической работы, начиная с 1980-х гг. по сегодняшний день, а также архивные и отчасти опубликованные в 1970-е гг. — начале XXI в. повествования карельских учителей, преподавателей, бытописателей о прошлом их народа.

Полевые записи 1980-х гг. велись в соответствии с конкретными темами экспедиционных исследований: этническая история, традиционное хозяйство, крестьянские промыслы, система поселений, домостроительные традиции, праздничный календарь. Эти темы отражали преобладавший в те годы этносоциальный дискурс отечественной этнографии. В результате ряда экспедиций была уточнена современная география расселения карелов в Калининской/Тверской обл., обследованы те ареалы, которые меньше всего были охвачены предшествующими лингвистическими, фольклорными, этнографическими, музейными и прочими экспедициями. Последовательная

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 томах. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 469.